

Александр Образцов

Пригород

Александр Образцов — самый активный драматург из всех, кого я знаю. Не только потому, что написал очень много пьес (из которых мало поставлено). И не потому, что в дописательской жизни был компрессорщиком, шкипером и вздымщиком (последняя профессия абсолютно мне неизвестна). А также не потому, что он еще и прозаик, поэт и журналист. Дело в том, что Образцов — президент. Президент Домика драматурга. Как это случилось?

Родился он в Амурской области и, кажется, отсутствием патриотизма не страдает. "Я не меньше патриот своей земли, чем кто-то из жителей штата Вашингтон или острова Хоккайдо", — писал Образцов в своей книжечке "Ленин и Клеопатра" (раздел "Биография"). Может, тот воздух и та почва дали ему необходимый заряд воли и энергии, который перенес только что получившего аттестат мальчика в Ленинград? Где он живет и пишет уже лет тридцать, становясь все ироничнее и деятельнее. Но Петербург — город суровый, тамошние театры своих, местных, авторов не любят. И Образцов вместе с несколькими сочинителями пьес создал объединение питерских драматургов. У них не было ни денег, ни своего помещения, их пустила Театральная библиотека. Но пьесы писались, и читались вслух, и обсуждались, и даже публиковались. Однако мало ставились. Авторы стали разбегаться: кто в Штаты (Марина Шрон), кто в Германию (Олег Юрьев), кто в Израиль (Александр Галесник). Александр Попов — в никуда (покончил с собой: повесился). Образцов собрал пополнение, активизировал и начал заново. И снова стен и крыши собственных нет — но Домик стоит на ветру. В Домике снова компания, снова жизнь. "Надо организовываться и вести какую-то позитивную деятельность", — считает президент.

Светлана НОВИКОВА

ГОРЧИЧНИКОВ. В вашей комнате, на канале Грибоедова.

КОЛЯСКИН. А что я тебя не помню?

ТИМОФЕЕВА. Я же тебе сказала — это мужчина из нашего цеха. Горчичников по фамилии.

КОЛЯСКИН. А чего он у нас забыл?

ТИМОФЕЕВА. Ну, может, страдала.

КОЛЯСКИН. А ты что, бюллетенишь?

ТИМОФЕЕВА. Может, он перепутал.

КОЛЯСКИН. А-а! Перепутал. (Горчичникову.) Перепутал, что ли?

ГОРЧИЧНИКОВ. Нет, Алена Васильевна, я не страдала. Неужели вы не помните наш разговор в пятницу, когда мы вышли из цеха и обратили внимание на исключительно загазованный воздух города?

КОЛЯСКИН. Чего?

ГОРЧИЧНИКОВ. Разумеется, если человек имеет дачу или другую возможность дышать чистым воздухом — это одно. Тогда это производит впечатление совершенно определенное. Но у вас ведь нет садового участка, Петр Викторович?

КОЛЯСКИН. (Тимофеевой). Чего он говорит? Я ничего не пойму.

ГОРЧИЧНИКОВ. (волнуясь). Может быть, — я не исключаю, — что какие-то мотивы, самые далекие, едва слышимые, и есть в этом приглашении, но ведь, надо признать, что Алена Васильевна и обиделась бы как женщина, если бы их не было вовсе.

КОЛЯСКИН. Ты чего говоришь? Ты сам понимаешь? Ты кто?

ГОРЧИЧНИКОВ. Хорошо. Сейчас. Совсем просто. (Сосредотачивается.) Алена Васильевна Тимофеева, как известно, работает машинистом компрессорных установок. А я, Горчичников Анатолий, являюсь слесарем-ремонтником пятого разряда. Когда мы с нею познакомились, я в разговоре узнал, что у вас, Петр Викторович, нет садового участка.

КОЛЯСКИН. А зачем это вы познакомились? А?

ГОРЧИЧНИКОВ. Но как же? Производственная необходимость.

КОЛЯСКИН. А здесь что, производство, а?

ГОРЧИЧНИКОВ. (вздыхает). Здесь я живу. Вот. Это — комната. Там — спальня. Кухня. Это — окно.

КОЛЯСКИН. Сейчас как засвечу.

ТИМОФЕЕВА. Ты в гостях! Ты же в гостях! (Улыбается Горчичникову.) Ну? И что конкретно?

КОЛЯСКИН. Поехали домой! Алена!

ТИМОФЕЕВА. Да обожди ты! Дай человеку договорить.

ГОРЧИЧНИКОВ. Что уж тут договаривать. Я поехал к вам в город утренней электричкой, подготовил большую программу. В частности, можно было посетить противоположный берег, там у нас памятник с чугунным деревом, олицетворяющим, как я думаю, да что теперь говорить? Мы могли бы не только дышать химическим близким к норме воздухом, но и одновременно расширять круг знаний при общении.

КОЛЯСКИН. (рыдает от непонимания и тоски).

ТИМОФЕЕВА. (с удовольствием).

ем). А вы, Анатолий, что кончали?

ГОРЧИЧНИКОВ. Я кончал среднюю школу. А потом пробовал учиться на историческом факультете. Но те схоластические знания, какие там дают, я могу почерпнуть самообразованием. А некоторые сопоставления эпох, Алена Васильевна, — только здесь (проводит рукой по корешкам книг) этому не научиться.

ТИМОФЕЕВА. (Коляскину). Я же говорила, что он смешной! (Горчичникову.) И так все время сидите и читаете?

ГОРЧИЧНИКОВ. Да. От телевизора я избавился. Хотя было трудно: как будто через ручку подключаешь его к своей кровеносной системе.

ТИМОФЕЕВА. Ужас!

ГОРЧИЧНИКОВ. Почему же? Я не только читаю. Хотя природа вокруг нашего города не отличается первозданностью.

ТИМОФЕЕВА. И что, и женат не был?

ГОРЧИЧНИКОВ. Был.

ТИМОФЕЕВА. У-у, змея какая!

ГОРЧИЧНИКОВ. Кто?

ТИМОФЕЕВА. Ушла?

ГОРЧИЧНИКОВ. Н-н... не знаю.

В общем, как-то... Э-э...

КОЛЯСКИН. Ну да. Разговорами бабу не накормишь.

ТИМОФЕЕВА. (с негодованием). Какой ты! (Горчичникову.) Так кто она была? Женщина или друг, товарищ и брат?

ГОРЧИЧНИКОВ. Она? Э-э... Я бы сказал... В общем-то, друзья... Хорошо. Если так откровенно, то — пожалуйста. Я встретил ее на Московском вокзале.

Коляскин хохочет.

ТИМОФЕЕВА. Выйди отсюда! Не медля! Грубый и злой! Не узнаю! Выйди!

КОЛЯСКИН. Пойду. Может, нормального какого встречу, хоть название узнаю.

Выходит.

ТИМОФЕЕВА. Мы можем на ты разговаривать. Но при нем лучше постарому.

ГОРЧИЧНИКОВ. Он неплохой, но без центрального взгляда.

ТИМОФЕЕВА. А фамилию я свою оставила. Уже шестой год живем. Но очень грубый. Мама так и говорит: любовник, а не муж.

ГОРЧИЧНИКОВ. (смешавшись). Ну что вы, Алена Васильевна.

ТИМОФЕЕВА. А что? Точно. Это хорошо по молодости, когда все в диковинку. А потом — я же не копка какая!

ГОРЧИЧНИКОВ. Это просто такое время, Алена Васильевна! Это оно руководит! Но вы сильны, я знаю! Вы уже из него вырываетесь, из цепких объятий.

ТИМОФЕЕВА. Что?

ГОРЧИЧНИКОВ. Я поясню. Это молодость, пожирающий ради непонятных еще, темных целей все чистое в мире и диктующий пока во всем! Но он уже отступает, уже появляются ростки и они даже не защищаются, но остаются жить! Хотя с другой стороны, может, он просто обожрался.

ТИМОФЕЕВА. Вы такой запальчивый, честное слово. Вам веришь.

ГОРЧИЧНИКОВ. Я не скажу, Алена Васильевна, что я не имел цели... Я никогда в жизни так не стремился. Я когда ехал на электричке

утром, у меня была страшная тоска. Это ведь недостижимо, я знаю. Вы говорите — я смешной. Если представить вас высокой дамой, то я соглашусь носить горб, быть кривым и плешивым, только бы вам смеяться и мне это видеть. (Замолкает.)

ТИМОФЕЕВА. (тихо). Это вы действительно сами? Или читали?

Горчичников молчит.

ТИМОФЕЕВА. А еще что можете? Я люблю слушать.

ГОРЧИЧНИКОВ. А иногда кажется, Алена Васильевна, что все еще будет. Не может такого быть, чтобы ходили по заколдованному кругу и повторяли моллюсков, птиц или австралийцев! Не может быть, чтобы желания и мечты ускользали, а потом обманывали друг друга! И пусть даже последний человек останется, но и он не обратится в скотину и умрет с вопросом в глазах! И ему ответят! Потому что вопрос уже так стусилился, что скоро изменит химические составы! И я тоже мучительно сомневаюсь, Алена Васильевна! Буквально во всем. Вижу реку и представляю, что еще десять тысяч лет назад ее не было. Не было! Хотя кажется, что она всегда текла в этом русле. И природа на ее берегах кажется вечно существующей. Но только по отношению к человеку.

А человек, вероятно, кажется вечным существом для комара, потому что он так нас и атакует, с отчаяния, что ничем нас не прошибешь. И мы также с природой, заметьте. Срываем злость, хотя последние столетия в связи с исторической памятью мы подравнялись по возрасту. Я даже в матери своей сомневаюсь, Алена Васильевна. То есть, произвела она меня на свет и тем окончила дела, отмерла. Зачем она теперь? Блenny печь, пол подметать, стариться? То есть, пока человек участвует в круговороте жизни, пока он подбрасывает топливо, бежит, раскручивает земной шар — он жив, а как только влез в гнездо и из гнезда кулак высунул — его уже нет! И тогда земля сама начинает шевелиться и страшивать с себя всяческих паразитов!

Тимофеева сидит, подперев щеку кулачком, внимательно слушает. Видно, что ее совершенно не беспокоит то, что мысль Горчищикова скачет, меняет направление. Ее прежде всего интересуют "запальчивость". Она как бы слушает музыку. В этом ее глубина.

ГОРЧИЧНИКОВ. Но самое мучительное и самое главное происходит в отношениях мужчины и женщины. Да. Кажется, что это для удовольствия человек стремится к самому лучшему, к самому красивому, а оказывается, именно это стремление улучшить свою породу и выделило его из остальных живых сообществ и устремляет вперед. И его как бы посылают вперед по этому пути рыбы и насекомые, птицы и млекопитающие, как бы машут ему прощально платочком и жалеют его. Ведь на этом пути, Алена Васильевна, кроме наслаждений и комфорта мыслей, человека с ранних детских лет начинают мучить и доводить до отчаяния знание о своей скорой смерти. Да!

Входит Коляскин.

КОЛЯСКИН. Это, оказывается, город Отрадное. Следующая — Мга.

ТИМОФЕЕВА. Здесь.

Пауза.

КОЛЯСКИН. Здесь? А здесь почему? С кем?

ТИМОФЕЕВА. Ну что за сундук, действительно. С ним. С Анатолием.

КОЛЯСКИН. Да брось ты. Хватит, Алена. Едем домой.

ТИМОФЕЕВА. Толя, подожди.

Горчичников под-ходит. Тимофеева

встает, обнимает

его и целует. Коляскин хохочет.

ТИМОФЕЕВА. (гневно). Выйди отсюда. Уходи. Не хочу тебя видеть ни сегодня, ни завтра — никогда. А за машиной трансгагентство пришло.

КОЛЯСКИН. Может, вы еще туда (кивает на спальню) заглянете? Я — ничего. Вот здесь посижу, книжку прочитаю.

Раскрывает книгу, читает.

"Не колокольный звон и не кукование кукушки слышны с башни в одном из городов близ Сан-Франциско, где установлены часы. После реставрации они обрели голос коровы. Каждый час звучит теперь здесь мычание одной коровы, а в полдень и в полночь слышен рев целого стада".

ГОРЧИЧНИКОВ. Конечно, реакция у вас, Петр Викторович, самая неожиданная.

ТИМОФЕЕВА. Подожди! Как говоришь — "может, туда заглянете?" И заглянем. Это теперь наш дом. Вот еще с мамой познакомлюсь, а потом и вообще в этом пригороде устроюсь на работу. Чтобы таких, всяких, городских, в глаза не видеть. Пойдем, Толя. Пусть он сидит.

За руку отводит Горчищикова в спальню. Закрывает за собой дверь. Коляскин усмехается. Глядя на потолок, поспивывает. Затем берет книгу, подходит к двери.

КОЛЯСКИН. (читает). "Кашляют ли рыбы? Да еще как! К такому выводу пришли американские ученые. Как оказалось, рыбы в загрязненной воде кашляют и хрипят. По интенсивности рыбьего кашля можно судить о степени загрязнения воды в реке, озере, либо морском заливе. Услышать "рыбий кашель" можно только с помощью специальной аппаратуры".

Пауза.

Ну ладно, Алена. (Пауза.) Ладно, я говорю. Хорошо! Пора ехать!

Дверь открывается, входит Горчичников.

ГОРЧИЧНИКОВ. (Тимофеевой). Так он не поймет, Алена Васильевна. Этим мы как бы подстраиваемся, тогда как нужно жить естественно, без оглядки. (Коляскину.) Напрасно вы думаете, Петр Викторович, что все в жизни либо со знаком минус, либо со знаком плюс. Вот я в ваших глазах как бы чужак, но во мне, как оказалось, есть качества, интеллектуальные и душевные, которые в считанные минуты.

Коляскин неожиданно бьет Горчищикова ладонью в лоб. Тот отлетает под стол.

КОЛЯСКИН. Качество в нем!.. Завес в свою деревню, издевается! Ты в гости приглашаешь, так знай, что чужая жена — не твоя! Понял?! Заполоскал, заполоскал! Я всяких видал, студентов. Одного кандидата даже через Львиный мостик гнал. У-у!

Хватает Тимофееву за руку, тащит из дома.

ГОРЧИЧНИКОВ. (сидя на полу). Конеч. Все кончилось.

ГОЛОС ТИМОФЕЕВОЙ. Я вернусь, Анатолий! Жди!

ГОЛОС КОЛЯСКИНА. Жди, жди! Я тогда вас всех спалю!

ГОЛОС ТИМОФЕЕВОЙ. (удаляясь). Анатолий! Я вернусь!

ГОЛОС КОЛЯСКИНА. (удаляясь). Устрою атомный полигон...

Пауза.

ГОРЧИЧНИКОВ. (поднимая руку). Нет! Это неразрешимо!

Пауза.

ТИМОФЕЕВА. Ты что, на станции был?

КОЛЯСКИН. Что ты? Я ж только вышел.

ТИМОФЕЕВА. Ну и иди. Иди. (Горчичникову.) А еще?

ГОРЧИЧНИКОВ. А еще. Я не хотел без Петра Викторовича говорить, потому что это получится как бы попытка украсть, или можно назвать — исподтишка, хотя эти дела так почему-то и делают и считают, что это правильно.

КОЛЯСКИН. Я пойду, там посижу. Или — поехали домой, Алена.

ТИМОФЕЕВА. Можешь ехать совсем.

Коляскин, вздохнув, остается.

ГОРЧИЧНИКОВ. Мне бы не хотелось, Петр Викторович, пользоваться также своим преимуществом в умении выразить себя.

ТИМОФЕЕВА. (встает, подходит к двери комнаты, открывает ее. Горчичникову.) Ты здесь ночуешь, Толя?

Коляскин и Горчичников одинаково ошеломлены.

ГОРЧИЧНИКОВ. Да. Это я с детства здесь живу.

ТИМОФЕЕВА. И здесь-то книг сколько. (Оборачивается, Горчичникову.) А ты любишь уют, оказывается. Одна лампа на столе, одна люстра, и одна над изголовьем. И коврик перед диваном. Вот только обоим лапасте. Надо переклеить.

ГОРЧИЧНИКОВ. (встает, топчется около Тимофеевой). Да... Наверное.

ТИМОФЕЕВА. А чтобы тебе было удобно заниматься, надо купить кресло. А здесь встанет швейная машина.

КОЛЯСКИН. Он что, сам шьет?

ТИМОФЕЕВА. Не знаю. Это моя машина.

КОЛЯСКИН. Зачем? Ты же недавно купила.

ТИМОФЕЕВА. Недавно.

КОЛЯСКИН. Ну вот. А уже продаешь.

ТИМОФЕЕВА. Я не продаю. С чего ты взял?

КОЛЯСКИН. А что?

ТИМОФЕЕВА. Ничего. (Закрывает дверь, садится за стол.)

КОЛЯСКИН. Ему зачем машинка? Матери его, что ли?

ТИМОФЕЕВА. Ты, Петя, иногда становишься, как сундук: на тебе хоть прыгай, хоть в карты играй. (Горчичникову.) Толя, объясни ему.

ГОРЧИЧНИКОВ. (он бледен, торжествен). Насколько я понимаю, Петр Викторович, в образовавшейся ситуации мне предстоит установить статус.

КОЛЯСКИН. Ох, да замолчи ты! (Закрывает уши ладонями.) Куда я попал, а? Давай отсюда как-нибудь сваливать. Что это ты про машинку, Алена? Про машинку-то ты что?

ТИМОФЕЕВА. Ты, Петя, иногда становишься, как сундук: на тебе хоть прыгай, хоть в карты играй. (Горчичникову.) Толя, объясни ему.

ГОРЧИЧНИКОВ. (он бледен, торжествен). Насколько я понимаю, Петр Викторович, в образовавшейся ситуации мне предстоит установить статус.

КОЛЯСКИН. Ох, да замолчи ты! (Закрывает уши ладонями.) Куда я попал, а? Давай отсюда как-нибудь сваливать. Что это ты про машинку, Алена? Про машинку-то ты что?

ТИМОФЕЕВА. Ты, Петя, иногда становишься, как сундук: на тебе хоть прыгай, хоть в карты играй. (Горчичникову.) Толя, объясни ему.

ГОРЧИЧНИКОВ. (он бледен, торжествен). Насколько я понимаю, Петр Викторович, в образовавшейся ситуации мне предстоит установить статус.

КОЛЯСКИН. Ох, да замолчи ты! (Закрывает уши ладонями.) Куда я попал, а? Давай отсюда как-нибудь сваливать. Что это ты про машинку, Алена? Про машинку-то ты что?

ТИМОФЕЕВА. Ты, Петя, иногда становишься, как сундук: на тебе хоть прыгай, хоть в карты играй. (Горчичникову.) Толя, объясни ему.

ГОРЧИЧНИКОВ. (он бледен, торжествен). Насколько я понимаю, Петр Викторович, в образовавшейся ситуации мне предстоит установить статус.

КОЛЯСКИН. Ох, да замолчи ты! (Закрывает уши ладонями.) Куда я попал, а? Давай отсюда как-нибудь сваливать. Что это ты про машинку, Алена? Про машинку-то ты что?

ТИМОФЕЕВА. Ты, Петя, иногда становишься, как сундук: на тебе хоть прыгай, хоть в карты играй. (Горчичникову.) Толя, объясни ему.

ГОРЧИЧНИКОВ. (он бледен, торжествен). Насколько я понимаю, Петр Викторович, в образовавшейся ситуации мне предстоит установить статус.

КОЛЯСКИН. Ох, да замолчи ты! (Закрывает уши ладонями.) Куда я попал, а? Давай отсюда как-нибудь сваливать. Что это ты про машинку, Алена? Про машинку-то ты что?

ТИМОФЕЕВА. Ты, Петя, иногда становишься, как сундук: на тебе хоть прыгай, хоть в карты играй. (Горчичникову.) Толя, объясни ему.

ГОРЧИЧНИКОВ. (он бледен, торжествен). Насколько я понимаю, Петр Викторович, в образовавшейся ситуации мне предстоит установить статус.

КОЛЯСКИН. Ох, да замолчи ты! (Закрывает уши ладонями.) Куда я попал, а? Давай отсюда как-нибудь сваливать. Что это ты про машинку, Алена? Про машинку-то ты что?

ТИМОФЕЕВА. Ты, Петя, иногда становишься, как сундук: на тебе хоть прыгай, хоть в карты играй. (Горчичникову.) Толя, объясни ему.

ГОРЧИЧНИКОВ. (он бледен, торжествен). Насколько я понимаю, Петр Викторович, в образовавшейся ситуации мне предстоит установить статус.

КОЛЯСКИН. Ох, да замолчи ты! (Закрывает уши ладонями.) Куда я попал, а? Давай отсюда как-нибудь сваливать. Что это ты про машинку, Алена? Про машинку-то ты что?

ТИМОФЕЕВА. Ты, Петя, иногда становишься, как сундук: на тебе хоть прыгай, хоть в карты играй. (Горчичникову.) Толя, объясни ему.

ГОРЧИЧНИКОВ. (он бледен, торжествен). Насколько я понимаю, Петр Викторович, в образовавшейся ситуации мне предстоит установить статус.

КОЛЯСКИН. Ох, да замолчи ты! (Закрывает уши ладонями.) Куда я попал, а? Давай отсюда как-нибудь сваливать. Что это ты про машинку, Алена? Про машинку-то ты что?

ТИМОФЕЕВА. Ты, Петя, иногда становишься, как сундук: на тебе хоть прыгай, хоть в карты играй. (Горчичникову.) Толя, объясни ему.

ГОРЧИЧНИКОВ. (он бледен, торжествен). Насколько я понимаю, Петр Викторович, в образовавшейся ситуации мне предстоит установить статус.

КОЛЯСКИН. Ох, да замолчи ты! (Закрывает уши ладонями.) Куда я попал, а? Давай отсюда как-нибудь сваливать. Что это ты про машинку, Алена? Про машинку-то ты что?

ТИМОФЕЕВА. Ты, Петя, иногда становишься, как сундук: на тебе хоть прыгай, хоть в карты играй. (Горчичникову.) Толя, объясни ему.

ГОРЧИЧНИКОВ. (он бледен, торжествен). Насколько я понимаю, Петр Викторович, в образовавшейся ситуации мне предстоит установить статус.

ЧИТКА

Действующие лица

Коляскин — 32 года
Тимофеева, его жена — 28 лет
Горчичников — 35 лет

Комната в деревянном доме. Начало мая. Солнце светит так, что блеск от половиц слепит глаза. Видно, что в этом доме уютно, без особых затей живут десятилетиями одни и те же люди.

Входят трое — Горчичников, Коляскин и Тимофеева.

Горчичников в просторном пиджаке, коротковатых брюках, в белой рубашке с узким галстуком. Он скорее всего альбинос.

Коляскин в спортивном шерстяном костюме с боковой белой полосой, с надвинутыми на локти рукавами. Похож иногда на кота — цепок и усат.

Тимофеева небрежно причесана, юбка на ней кажется надетой задом наперед, и блуза мешком, но — странное дело — иногда она так повернется, так поднимет руки, поправляя волосы, что женское в ней буквально оглушает наших героев.

ГОРЧИЧНИКОВ. Присаживайтесь, друзья.

Коляскин и Тимофеева садятся за стол к стене, не глядя друг на друга. Горчичников, непривычно озабоченный хозяйскими обязанностями, стоит столбом посреди комнаты. Для него каждый следующий шаг — загадка. Вот и теперь он знает, что гостей надо угощать, но знает одновременно и о том, что их надо занимать. Поэтому и стоит.

ГОРЧИЧНИКОВ. Здесь у нас комната.

Коляскин и Тимофеева молча смотрят на Горчичникова, занятые друг другом. Он принимает их молчаливые взгляды за осуждение и еще больше теряется.

ГОРЧИЧНИКОВ. Потолки, конечно, низкие. Не то, что в городе. Вы уж меня извините, друзья, но водки у меня нет. Может быть, попьем чай с вареньем и вчерашними блинами? Мать моя их испекла, а с утра ушла к своей сестре, так что блины вчерашние. Но когда они чуть-чуть подсохнут с краев и напитаются маслом, вкус у них становится своеобразный, лично я люблю. *(Пауза.)* Тогда я мигом схожу в магазин за железной дорогой по случаю воскресенья и принесу водки. *(Пауза.)* Или вина? Петр Викторович?

КОЛЯСКИН. А?

ГОРЧИЧНИКОВ. Чего принести? *(Пауза.)* Тогда я принесу чаю на первый случай. *(Подходит к этажерке, достает толстую конторскую книгу.)* Здесь у меня вклеены заметки со всех концов света, в основном из газет "Советская Россия", "Труд" и "Известия" — различный жизненный материал. Пока я поставлю чай, вы их можете вслух зачитать.

Кладет раскрытую книгу на стол перед Коляскиным. Уходит. Коляскин, нахмурившись, смотрит в книгу. Длинная пауза.

ТИМОФЕЕВА. Ты будешь читать или нет?

Коляскин вздрагивает.

КОЛЯСКИН *(читает).* "В английском городе Бристоле произошло необычное происшествие: студент упал с моста в реку с высоты 109 метров. Но все обошлось благополучно — он отделался легкими ушибами. А спасло его широкое пальто: расстегнувшись, оно сыграло роль парашюта". *(Пауза.)*

Входит Горчичников.

ГОРЧИЧНИКОВ. Скоро будем пить чай.

Уходит.

КОЛЯСКИН. Ты это...

ТИМОФЕЕВА *(живо).* Чего?

КОЛЯСКИН. Глохни, говорю!

ТИМОФЕЕВА. Чего-о?

Входит Горчичников. В левой руке, в тарелке, горкой — блины. В правой — банка с вареньем.

ГОРЧИЧНИКОВ *(оживленно, подготовив реплику на кухне).* У нас здесь, в городе Отрадное, произошли в этом месяце события. Пошла, как

обычно, на нерест разнообразная рыба в реке, и местные жители с орудиями лова...

ТИМОФЕЕВА *(Коляскину).* Ты пожалей! Поздно будет!

КОЛЯСКИН *(Горчичникову).* И чего?

ГОРЧИЧНИКОВ. А их всех собрали и увезли в город на катере. И показали по телевизионной второй программе. И теперь, когда я говорю, к примеру, в нашем цеху о том, что я из Отрадного, люди почему-то вспоминают этих браконьеров, и только. Хотя в нашем городе родились и окончили школу такие известные люди, как ректор политехнического института.

Горчичников наливает чай в чашки.

ТИМОФЕЕВА *(Горчичникову).* Мне только на самое доньшко. Я не купчиха какая-то — самоварами пить.

КОЛЯСКИН. А мне лей одну заварку. Только без мусора! Я эту пакость потом полчаса отплевываю.

ТИМОФЕЕВА. Петрунчик, что ты такой?

КОЛЯСКИН. Я в ночь, когда работаю вместо машиниста, целую пачку выпиваю. А потом весь день хожу — ни в одном глазу. Вот тогда мне не попадайся. Ух, веселый я какой делаюсь, когда ночь не посплю! А это часто бывает — ну, Алена! кончай! жить не могу!

Хватает Тимофееву за руку, вытаскивает ее из-за стола, они уходят в боковую комнату. Горчичников ошеломлен.

ГОРЧИЧНИКОВ *(стоя посреди комнаты, кося глазом на дверь боковой комнаты).* Там спальня, друзья! *(Пауза.)* Там мать моя ночует! *(Пауза.)* Мы ведь должны после легкого ланча посмотреть действительно природу по реке! У нас крутые берега! *(Пауза.)* У меня есть друг детства, диспетчер грузового района (громко, подходя к двери). Навигация уже началась! Хорошо пройти на буксирном катере.

Распахивается дверь, голый по пояс Коляскин высовывается в нее.

КОЛЯСКИН. Че тебе?

ГОРЧИЧНИКОВ. Так ведь, Петр Викторович.

КОЛЯСКИН. Глохни!

Захлопывается дверь.

ГОРЧИЧНИКОВ *(громко).* Алена Васильевна, это я, Горчичников. Вы слышите? У нас представления, видимо, отличаются от предусмотренных вами для себя! Особенно моя мать, которая, по существу, родилась в дореволюционные годы.

Поправляя прическу, появляется румяная и смущенная Тимофеева.

ТИМОФЕЕВА *(в глубине спальни).* Просто как грузин какой-то — схватил и потащил! *(Горчичникову, тихо).* Он сейчас злой.

Появляется Коляскин. Усы у него торчат.

ГОРЧИЧНИКОВ. Чай стынет, друзья!

Поспешно уходит на кухню.

Тимофеева и Коляскин молча садятся, выпивают по чашке чая. Коляскин ест одновременно блины один за другим.

КОЛЯСКИН *(шумно выдохнув, оглядывается).* Это мы где?

ТИМОФЕЕВА *(также оглядывается с недоумением).* Действительно, в какую-то деревню попали.

КОЛЯСКИН *(кивает на двери).* А это кто?

ТИМОФЕЕВА *(достает зеркальце, смотрит в него).* Это из нашего цеха мужчина. Недавно у нас работает. Такой смешной, ко всем на вы. Помоему, мы на электричке ехали.

КОЛЯСКИН. Да ты что?

ТИМОФЕЕВА. А ты вообще никого не видишь, когда такой.

КОЛЯСКИН. Какой?

ТИМОФЕЕВА *(поднимает руки, поправляя волосы).* Такой.

КОЛЯСКИН *(дышит, тихо).* Алена.

ТИМОФЕЕВА. Вот, — снова! Как будто я тебе и не жена, а какая-то прощантовка.

КОЛЯСКИН. Алена.

ТИМОФЕЕВА. Ну что ты снова, Петрунчик.

Коляскин тянется к ней. Входит Горчичников. Он в ишапе.

ГОРЧИЧНИКОВ *(бодро).* Пора идти, друзья! С диспетчером я договорился.

КОЛЯСКИН. А ты вообще кто такой?

ГОРЧИЧНИКОВ. Я?

КОЛЯСКИН. Ну да.

ГОРЧИЧНИКОВ. Мы же знакомы, Петр Викторович.

КОЛЯСКИН. Где? Не помню.

Звонки и смена —